

Барынбаева Айнура, преподаватель,
Жолдошева Зулфия, старший преподаватель,
Жээнбекова Барчын, преподаватель
Ошский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА

КЫРГЫЗ ЭТНОСУНУН ЭКОЛОГИЯЛЫК АҢ-СЕЗИМИНИН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАНЫШЫ

TRANSFORMATION OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS OF THE KYRGYZ ETHNOS

Аннотация: В данной статье анализируется трансформация экологического сознания кыргызского этноса. Определены условия и особенности восприятия и взаимоотношений человека с природой. Отмечены причины возникновения и суть коэволюционных принципов кочевой цивилизации. Приведены аргументации характера трансформации экологического сознания, цивилизации и культуры этноса. Была попытка исторически выяснить степень трансформации кыргызской культуры. Анализируются высказывания ученых об уникальности кочевого сознания.

Аннотация: Бул макалада кыргыз этносунун экологиялык аң-сезиминин трансформациялануусу изилденди. Адамдын табият менен болгон мамилесинин жана кабыл алуусунун шарттары жана өзгөчөлүктөрү аныкталган. Көчмөн цивилизациянын коэволюциялык принциптеринин келип чыгуу себептери жана маңызы белгиленди. Цивилизациянын, этностук маданияттын жана экологиялык аң-сезимдин трансформациялануу мүнөзүнө аргументациялар келтирилген. Кыргыз маданиятынын трансформациялануу деңгээлин тарыхый түшүндүрүүгө аракет жасалды. Көчмөн аң-сезимдин уникалдуулугу боюнча окумуштуулардын айткандары талданды.

Abstract: This article analyzes the transformation of the ecological consciousness of the Kyrgyz ethnic group. Conditions and features of perception and relationship of the person with the nature are defined. Noted the causes and the essence of the co-evolution of the principles of nomadic civilization. The above argument of the nature of the transformation of ecological consciousness of civilization and culture of the ethnic group. There was an attempt to historically find out the degree of transformation of Kyrgyz culture. The statements of scientists about the uniqueness of nomadic consciousness are analyzed.

Ключевые слова: этнос, трансформация, экология, природа, кочевник, сознание, история, традиция, культура, государственность.

Түйүндүү сөздөр: этнос, трансформация, экология, жаратылыш, көчмөн, аң-сезим, тарых, салт, маданият, мамлекеттүүлүк.

Key words: ethnos, transformation, ecology, nature, nomad, consciousness, history, tradition, culture, statehood.

В силу кочевого образа жизни, обусловившего существенную зависимость кыргызов-кочевников от природной среды, наши предки в своих взаимоотношениях с природой придерживались, по сути, коэволюционных принципов, которые, однако, носили больше вынужденный, чем сознательный характер. Это была примитивная форма коэволюции, которая с неизбежностью должна была исчезнуть, как только материальные условия жизни претерпели бы коренные изменения, что, собственно, и произошло. И началось это с того, что территория современного Кыргызстана была включена в состав Российской империи. Впервые за всю свою долгую историю кыргызы были не только включены в принципиально иную культуру и цивилизационную систему, но и были лишены возможности возвращения к своим цивилизационным истокам, органически связанным с кочевыми формами жизни [1; С. 45].

Приведем в пользу данного утверждения более подробную и глубокую аргументацию и будем исходить, как принято выражаться в математике, от противного. Предположим, что каким-то образом кыргызам удалось полностью или во всяком случае в значительной мере сохранить собственную цивилизационную специфику, т.е. продолжать по-прежнему кочевой образ жизни и испытывать на себе незначительное по объему и продолжительности воздействие соседних народов и государств иной цивилизационной принадлежности. Очевидно, что в этом случае образ жизни, формы хозяйствования, культура в целом, в том числе, конечно, экологическое сознание, не претерпели каких-либо значительных изменений. Мы уже упоминали ранее, что кочевые цивилизации и культуры, будучи экономически самодостаточными и замкнутыми на самих себе, отличались чрезвычайной статичностью и консерватизмом, из чего следует, в частности, что для того, чтобы изменились радикально экологическое сознание и культура, необходимо испытать кардинальную цивилизационную трансформацию, вплоть для изменения типа цивилизации. Обратное утверждение так же верно, т.е. значительные цивилизационные трансформации, изменение типа цивилизации с необходимостью ведут к коренному изменению экологического сознания и культуры этноса. При этом существует высокая вероятность необратимого характера трансформаций.

Что же касается конкретно кыргызского этноса, то, находясь под влиянием оседлого населения Кокандского ханства, южные кыргызские роды и племена, частично оседая на земле, уже стали испытывать определенные культурные трансформации, которые со временем только усилились бы, однако с включением территории Кыргызстана в состав Российской империи придали трансформационным процессам совершенно новое направление. Именно с этого времени начинается радикальная трансформация не только материальных форм жизни кыргызов, но и их экологического сознания, которое в новых условиях уже не могло оставаться прежним. Возникает вопрос: в какой степени оно было преобразовано? Попробуем дать подробный и обоснованный ответ. [3; С.19-20].

До вхождения в состав России традиционное многовековое природопользование кыргызов, практически сведенное к возможному минимуму в условиях высокогорья и резко континентального климата, адаптировали их к определенной экологической нише, которой наносился настолько незначительный ущерб, что природа целиком восстанавливалась в кратчайшие возможные сроки. Благодаря тому, что форма хозяйствования и адекватный ему комплекс специфической культуры и быта народа имели предельно консервативный характер, практически исключались любые реформационные процессы в обществе. Материальное производство в традиционном кыргызском обществе выработало ритм жизни, целиком подчиненный естественному ритму, и общественный строй жизни, который также в целом определялся природными условиями, при этом особую роль играли семейно-родственные отношения, которые выступали как доминирующие по отношению к чисто экономическим, а также нормы, регулирующие жизнь внутри кочевой общины, придерживавшейся во взаимоотношениях с природой, землей не производящего, а присваивающего принципа. Ценность земли, как и природы в целом, рассматривалась кыргызами через призму потребления естественных, т.е. без участия человеческого труда, продуктов, что необходимо порождало относительно пассивное отношение к земле с неразвитыми, по сравнению с земледельческими культурами, отношениями и формами собственности. Оседлое население Кокандского ханства, испытывавшее хронический недостаток в плодородных землях, как и его правители, было мало заинтересовано в процессе оседания кыргызов на землях, и по этой причине кыргызам, продолжавшим в основной своей массе вести кочевой образ жизни, удавалось сохранять не только хозяйственную автономию, но и все, что было связано с ней и кочевым бытием. Ассимиляторские процессы мало затрагивали кочевую часть населения ханства и происходили главным образом в системе религиозных представлений и убеждений. Однако с присоединением к государству, а именно к России, имевшей иную цивилизационную основу, все стало в корне меняться.

Внедрение новой культуры в традиционную кыргызскую осуществлялось главным образом двумя способами: установлением жесткого политического, военного и административного контроля со стороны царской колониальной администрации, которая настойчиво и последовательно устанавливала имперский порядок и государственные законы на новоприобретенных землях, а также переселением части населения из европейской части империи. Ассимиляторскую политику, которую проводил царизм, невозможно было проводить без того, чтобы не внедрять в местные системы «русские» элементы, которые в дальнейшем должны были скреплять государство, что не могло не породить определенные противоречия между коренным и пришлым населением [1; С. 53].

«Приобщение» кыргызов к новой культуре происходило вполне в колониальном духе. Новые политические, экономические, социальные, правовые формы и все, что сопутствовало им, не внедрялись в исконную культурную почву, а просто напроsto интенсивно вытесняли всё, что мешало их установлению и господству. Данное обстоятельство красноречиво отражено, в частности, в творениях так называемых заманистов Калыгула (1785–1855 гг.), Арстанбека (1824–1874 гг.) и Молдо Кылыча (1866–1917 гг.) и др. [5; С.66].

Заманисты, по сути, вполне точно определили наступление нового времени как крушение старого, к которому, как покажет дальнейший ход событий, действительно не будет возврата, и поэтому не случайно произведения заманистов назывались «Акыр заман» («Эпоха крушения»), «Тар заман» («Эпоха оскудения»), «Зар заман» («Эпоха страдания») и др. – носили почти апокалипсические названия, близкие к «концу мира». Действительно, прежний традиционный мир уходил в небытие с такой стремительностью, что не заметить этого было уже невозможно и невозможно было противостоять процессу его разрушения. «Впервые, – пишет Р.Д. Стамова, – за всю историю кыргызского народа над традиционным обществом нависла угроза значительных преобразований с дальнейшей перспективой его исчезновения». С появлением русских на территории Кыргызстана кыргызский этнос был «втянут» в новый пространственно-временной континуум, где время текло значительно интенсивнее, чем в традиционной среде, и требовало быстрой выработки новой системы ценностей, на базе которой с необходимостью должна была вырваться новая личность, уже адаптированная к новому ритму жизни» [4; С.111].

Если в традиционной среде и культуре время, по сути, имеет циклический характер, т.е. оно постоянно возвращалось к некоторой исходной точке. При этом менялись конкретные персонажи, но общество не испытывало никаких внутренних трансформаций и традиционное сознание (в том числе, конечно, и экологическое) не претерпевало сколько-нибудь значительных изменений, а ценностный мир казался вечным и неизменным. Но с приходом новых людей и установлением их господства время обретало линейный характер. То есть оно текло от прошлого через настоящее в будущее, и не было уже никакой возможности вернуть его назад. Мы, современники, настолько усвоили такое восприятие и оценку времени, что уже невозможно поверить в его цикличность. Не в смысле отсутствия определенных циклов в природе, к примеру, связанных с постоянной сменой сезонов года, а в связи с возможностью возврата к какой-то исходной абсолютной временной точке. «Время, – справедливо указывает Ж.К. Урманбетова, – понималось своеобразным циклическим образом, отличным от линейного в своей основной тенденции понимания времени у оседлых народов. Цикличность восприятия времени объяснялась существованием природных циклов развития, имеющих свои особенности на фоне общего движения истории жизни, которые находили свое отражение в сознании кочевника, обозначенного нерасторжимостью развития природы и существования человека. При этом время синтезирует в себе все свои ипостаси как проявление единого: прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в едином безличном пространстве – то важнейшая характеристика кочевого мышления, проецирующая его неординарность во взаимосвязях между поколениями» [5; С. 42].

«Единство временных модусов, – пишет Ж.К. Урманбетова, – обуславливается уникальной чертой кочевого сознания – самосознание вырабатывается в результате постижения духа прошедших эпох, прошлых поколений, когда ощущаешь свою

сопричастность к настоящему и будущему, это некое внутреннее родство духа, не теряющееся с течением исторического времени, а напротив, усиливающееся ввиду своей постоянной культурной востребованности, – в этом уникальность особого типа мышления кочевников» [6; С. 73].

Однако с переходом от одних – кочевых – форм жизни к другим – оседлым, указанный тип мышления и связанные с ним восприятие и понимание времени с неизбежностью трансформируются в новое состояние, качество. Отметим в данной связи, что совершенно не случайно заманисты, люди наиболее остро и болезненно ощущавшие «смену» времени, определяли новые обстоятельства, новое время как «эпоху крушения», «эпоху оскудения» и «эпоху страдания».

Время, однако, не только изменилось с точки зрения его направленности, но, что не менее важно, и ритма, скорости. Быстро меняющиеся внешние условия при наличии четко выраженной тенденции убыстрения социального времени поставили перед кыргызским этносом острую проблему ускоренной полномасштабной и всесторонней трансформации, затрагивающей не только основы бытия народа, формы его хозяйствования, но и основы его духа, сознания, органической частью которого является экологическое сознание. Однако как бы не были быстры изменения в сознании кыргызского этноса, в их представлениях о природе, они не могли произойти в течение жизни одного-двух поколений людей, во всяком случае на исходе XIX и начале XX веков. Так, известный акын-демократ Барпы Алыкулов (1884–1949 гг.), в целом принявший новый порядок, не обладая необходимыми знаниями, остался приверженцем традиционных взглядов на природу и естественные процессы. Как известно, в основе его взглядов на природу лежал традиционный анимизм. Так, Б. Аманалиев, характеризуя его экологические представления, писал следующее: «В основе убеждений Барпы - лежит тезис о первооснове сущего. Такой первоосновой Земли он считал Воду» [2; С. 13]. «Он воспеваает не воду в конкретно чувственном единичном ее проявлении, – писал далее Б. Аманалиев, – а естественную стихию – основу растительного и животного мира, носителя всех изменений и превращений. Вода у Барпы – это не просто вода, а животворящее начало. Он называет воду “вечно живой”; для него она символизирует все “живое, подвижное и активное на Земле” [2; С. 14].

Однако, несмотря на относительную устойчивость традиционных представлений о природе, в которой силой воображения, при отсутствии точных знаний о ее законов, все подвергалось одухотворению, стремительное изменение условий жизни уже нельзя было каким-либо образом проигнорировать, не отвечая на эти изменения глубокими внутренними трансформациями. Знания, интенсивно вносимые извне, настойчиво разрушали прежние представления о природе и месте человека в ней. Упразднение монархии в России, а затем установление Советской власти только интенсифицировали данный процесс. Тоталитарная политическая система, установившаяся в пределах всего огромного государства, не оставляла ни одному из народов страны никакой иной перспективы, кроме поступательного форсированного развития, сопровождавшегося, как известно, множеством социальных, материальных и духовных издержек. Советская хозяйственная система, хотя и стала осуществлять свои радикальные реформы на новой по сравнению с царским периодом политической и социально-экономической основе, свое отношение к природе довела, как мы выяснили, до крайней точки в плане ее эксплуатации, которая если и сдерживалась, то не этическими соображениями, а производственными возможностями населения страны.

Огосударствление средств производства, в том числе земли и ресурсов, привело к окончательному отчуждению работника от природы, что было чревато последствиями для природной среды, особенно если иметь в виду идеологию полного господства человека над природой. Атеистическое государство уже не нуждалось даже в соответствующих санкциях Творца за его отсутствием. На основании одного из первых декретов Советской власти – Декрета о земле 26 октября (8 ноября) 1917 года «была осуществлена национализация всей земли, а также ее недр, лесов и вод и Советское государство стало единым и единственным собственником всей земли» [6; С. 98]. Будучи «единым и единственным собственником всей

земли», Советское государство, не связанное никакими обязательствами по отношению к природе, было целиком сосредоточено на решении текущих задач, связанных с необходимостью интенсивной индустриализации страны. Природе, которой в огромной стране было всегда с «избытком», было отведена безусловно подчиненная роль.

Как указывается в «Юридическом энциклопедическом словаре» 1984 г., «основа социалистических земельных отношений – государственная собственность на землю... Земля – важнейшее богатство советского общества, главное средство производства в сельском хозяйстве и базис размещения и развития всех отраслей в народном хозяйстве» [6, С. 101]. Таким образом, земля, которая по своей природной сути является основой жизни на планете, оценивалась в системе отношений «природа – человек» только как «важнейшее богатство советского общества, главное средство производства в сельском хозяйстве и базис размещения и развития всех отраслей в народном хозяйстве», т.е. ее ценность ограничивалась фактически ее потребительской стоимостью.

Литература:

1. Абрамзон СМ. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1990. – С.45.
2. Аманалиев Б. Общественная психология и религиозные предрассудки. – Фрунзе: Илим, 1970. – С. 15.
3. Очилов Б.Б. Перспективы развития Центральной Азии в условиях глобализации // Центральная Азия и культура мира. – Бишкек, 2006. – № 1–2 (19–20).
4. Стамова Р.Д. Личность в современном Кыргызстане. – С. 114.
5. Урманбетова Ж. К. Культура кыргызов в проекции философии истории. – Бишкек, 1997. – С. 72.
6. Юридический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – С. 98.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / Из кн.: Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М., 2000. – С. 101.